

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

САЯНО-АЛТАЯ

SAYAN-ALTAI SCIENTIFIC REVIEW

№1 (5) 2013

Археология / Archaeology

ISSN 2304-7488

Статья вводит в научный оборот результаты нового изучения петроглифов на плите с южного склона горы Оглахты в Минусинской котловине на территории Республики Хакасия. Рассмотрена история изучения памятника, выделены и проанализированы основные типы рисунков. Изображенные на плите двухколесные повозки отнесены к двум типам: 1) А-образной формы; 2) с дышлом из одинарной жерди. Они связаны с разными технологическими традициями и имеют разный генезис. Первый тип продолжает конструкцию повозок, характерную для окуневской культуры второй половины III – начала II тыс. до н.э. Второй появился в регионе вместе с новыми мигрантами во II тыс. до н.э. Особенности изображения колес и тягловых животных у повозки с одинарным дышлом раскрывают ее связь с мифологической сферой культуры. Основная часть петроглифов плиты может быть датирована концом II – началом I тыс. до н.э. Верхняя дата определена по изображениям кинжалов, прототипы которых связаны с баиновским типом памятников IX – начала VIII в. до н.э.

Ключевые слова: археология Центральной Азии, Минусинская котловина, эпоха поздней бронзы, карасукская культура, тагарская культура, наскальное искусство, колесница, кинжал

Статья посвящена изображениям на плите из урочища Кизань в горном массиве Оглахты на территории Усть-Абаканского района Республики Хакасия, известной также под современным названием «Шаман-камень». Эта небольшая плита является одним из самых крупных по числу изображений и одним из самых важных памятников наскального искусства эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. На фоне других памятников ее выделяет особая тематика изображений, среди которых представлено несколько десятков рисунков кинжалов, различных окружностей и спиралей. Эти образы отсутствуют либо единичны на других синхронных памятниках Минусинской котловины. Кроме того, все изображения здесь нанесены на верхней поверхности плиты, хотя в Минусинской котловине преобладают рисунки на вертикальных плоскостях. Все это неоднократно привлекало внимание к памятнику со стороны разных исследователей. Вместе с тем, его информационный потенциал далеко не исчерпан.

История изучения петроглифов горы Оглахты

Наскальные изображения на горе Оглахты попали в поле зрения исследователей еще в XVIII в. В 1847 г. их осмотрел финский филолог и этнограф М.А. Кастрен [Вадецкая, 1973, с. 107; Белокобыльский, 1986, с. 55]. В 1850 г. часть петроглифов на береговом утесе была зарисована чиновником Главного управления Восточной Сибири Л.Ф. Титовым. Некоторые из его рисунков Енисейский губернатор В.К. Падалка переправил известному историку и исследователю Сибири, чл.-корр. Императорской Академии наук Г.И. Спасскому, который вскоре их опубликовал [Спасский, 1857]. Впоследствии эти зарисовки изображений, с позиций сегодняшнего дня довольно неточные, а также некоторые неопубликованные материалы Л.Ф. Титова, поступившие в архив Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, стали основой для первого обстоятельного анализа петроглифов Минусинской котловины [Попов, 1873]. В 1885 г. Оглахтинскую писаницу обследовал И.Т. Савенков, сделавший ряд новых зарисовок [Савенков, 1887; 1910]. Результаты исследований экспедиции общества древностей Финляндии под руководством И.Р. Аспелина, побывав-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №13-11-19001 «История колесного транспорта северо-восточной окраины евразийского степного пояса (по материалам наскального искусства Минусинской котловины)»

шей на Оглахтах два года спустя, увидели свет в 1931 г. [Appelgren-Kivalo, 1931]. Масштабное и систематическое исследование петроглифов горы Оглахты предпринял в 1904–1907 гг. А.В. Адрианов. Он выявил наиболее крупные местонахождения на восточном и южном склонах и выполнил около 200 контактных копий (эстампов) плоскостей с рисунками. В дальнейшем эти копии поступили на хранение в Музей антропологии и этнографии РАН, и только спустя много лет с некоторых из них были сделаны первые прорисовки [Вяткина, 1961].

В 1960-е годы в связи со строительством Красноярской ГЭС и предстоявшим затоплением и разрушением прибрежных скал с петроглифами работы на Оглахтах снова возобновились. В 1966 г. А.Н. Липский выпилил и доставил в Абаканский музей для обеспечения сохранности несколько плоскостей с изображениями [Миклашевич, Ожередов, 2008, с. 176]. В 1967–1968 гг. сотрудниками Каменского отряда Красноярской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии под руководством Я.А. Шера был скопирован основной комплекс прибрежных изображений, получивший название Оглахты I и II. В те же годы обследовались рисунки в пунктах Оглахты III и IV, расположенные на вершине восточного и южного склонов горы [Шер, 1980]. Позднее материалы с Оглахты I – III, содержащие более 700 изображений, были опубликованы в одном из томов французской серии «*Repertoire des Petrolyphes d'Asie Centrale*» [Sher et al., 1994].

Примерно в то же время поиск и изучение петроглифов на горе Оглахты проводили и другие исследователи. Так, в 1958 г. отдельное местонахождение петроглифов, расположенное на скалах возле Апкашева улуса, обнаружила Н.Л. Членова [Членова, 1981]. Местонахождение в Абрашкином логу в 1973 г. зафиксировал Л.Р. Кызласов.

В 1972 г. поиск и изучение петроглифов на южном склоне проводили Н.В. Леонтьев и В.Ф. Капелько. Около 90 плиток с рисунками, собранных на этом участке, было доставлено в Минусинский музей [Леонтьев, 1977; Кызласов, Леонтьев, 1980].

Систематизацию сведений о петроглифах горы Оглахты, имевшихся к концу 1970-х гг., провела Э.Б. Вадецкая. Опираясь в основном на архивные материалы дореволюционного времени и результаты работ отряда под руко-

водством Я.А. Шера, она составила перечень из 6 пунктов с петроглифами [Вадецкая, 1986, с. 163].

С 1978 по 1990-е гг. на горе Оглахты проводили исследования археологи Кемеровского университета [Пяткин, 1986; Пяткин, Советова, Миклашевич, 1995]. В это время было проведено изучение петроглифов пункта Оглахты IV – вертикальных скальных обнажений, протянувшихся поясом в верхней части южного склона горного массива («Сорок Зубьев»). Здесь было зафиксировано более 1,5 тыс. изображений. В изучении петроглифов Оглахты IV приняли участие и французские исследователи [Francfort et al., 1993, pp. 40–42]. Также были выделены новые местонахождения с петроглифами, расположенные на южном и юго-восточном участках горного массива. Они получили обозначение Оглахты V – VIII. Оглахты V находится на юго-восточной оконечности горного массива, на нижнем ярусе скальных обнажений вдоль «Чертова лога», протянувшись от берега Енисея до горы Сорок Зубьев. К местонахождению Оглахты VI были отнесены петроглифы с разных участков большой территории, расположенной у южного подножья горного массива. Ее называют Кизань. Изображения здесь нанесены не только на вертикальных скальных выходах, но и на горизонтальных плитах и отдельных плитках. Оглахты VII – это петроглифы на скалах в Бугаевом логу. Оглахты VIII – петроглифы Бадалажкина лога и еще одного небольшого безымянного лога к северу от него. Общее количество зафиксированных изображений – более 500.

Непосредственно плита с петроглифами в урочище Кизань, которой посвящена данная статья, была обнаружена в 1978 г. во время работ Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством Б.Н. Пяткина [Пяткин, 1979, с. 127]. Поверхность плиты была покрыта плотным слоем лишайника, делавшим рисунки почти незаметными. Часто используемое для нее в последнее время название «Шаман-камень» не является историческим. Его, видимо, придумал принимавший участие в работе отряда художник В.Ф. Капелько. Им же были сделаны эстампы изображений этой плиты на микалентной бумаге. Коллаж из этих эстампов, наклеенный на холст, затем экспонировался в Хакасском

краеведческом музее. В последующем эстампы изображений этого памятника, выполненные по аналогичной технологии, появились и в других музеях: в музее Кемеровского университета (эстамп Е.А. Миклашевич), в Музейно-выставочном центре г. Железнодорожска (эстамп Е.С. Аннинского).

После первой информации о находке, опубликованной Б.Н. Пяткиным в 1979 г., появилась специальная статья об изображениях на этой плите с прорисовками фрагментов [Пяткин, 1985]. В последующем отдельные рисунки с этого камня публиковали и другие кемеровские исследователи [Советова, Миклашевич, 1999, табл. 4, 1]. В 2007 г. в Южной Корее издана первая прорисовка изображений всего «Шаман-камня», выполненная исследователями из Сеула и С.-Петербурга [Ким Чжонг Бэ и др., 2007, с. 158–165]. Еще одну прорисовку изображений плиты подготовила и опубликовала недавно О.В. Ковалева [Ковалева, 2011, табл. 63]. Она выполнена по эстампу, снятому ранее Н.В. Леонтьевым.

Несмотря на большое внимание к плите в урочище Кизань, все опубликованные прорисовки передают лишь часть имеющихся на ней изображений и обладают целым рядом расхождений и неясных мест. Во многом это связано с плохой сохранностью памятника и сложностью его документирования.

Общая информация о памятнике

С целью обновления источниковой базы осенью 2012 г. автором было проведено новое изучение плиты в урочище Кизань. Размеры плиты – 4,2 x 2,9 x 0,5 м. Плита лежит наклонно на южном склоне горы Оглахты, плоскостью с изображениями обращена на юг и вверх. Ее северо-западный (верхний) край расположен на одном уровне со склоном горы, а южный (нижний) край – выше поверхности склона на 0,6 м. Рисунки нанесены в средней части плиты на наиболее ровные места (рис. 1). Естественный рельеф поверхности самой плиты разделяет ее на два участка (рис. 2, 3). Общее количество выявленных и учтенных изображений – 162. Среди них зафиксировано не менее 34 кинжалов, около 55 различных кругов и спиралей, не менее 54 фигур копытных животных, 4 человеческие фигуры, 2 изображения лиц и 2 рисунка колесного транспорта. Рисунки рас-

положены несколькими скоплениями. Ориентация изображений (верх-низ) в разных частях плиты различна. Совершенно очевидно, что она находится в прямой зависимости от расположения удобных мест, занимая которые человек наносил изображения. Такие места прежде всего расположены вдоль нижнего и боковых краев плиты, где можно было создавать изображения, стоя на земле или сидя на краю самого камня. Часто одни рисунки перекрывают другие, что открывает возможности для изучения относительной хронологии разных стилей и образов.

Сохранность многих изображений плохая. Это связано с несколькими естественными причинами – отслаиванием поверхностной корки камня на целом ряде участков, воздействием атмосферных осадков и ветра на скальную поверхность, ростом лишайника. Режим заповедника «Хакасский», на территории которого в настоящее время оказалось урочище Кизань, существенно ограничивает доступ к памятнику неорганизованных туристов, что положительно влияет на обеспечение его сохранности, предохраняя от антропогенного воздействия и актов вандализма, во множестве фиксируемых на других памятниках Минусинской котловины. Однако и здесь случаются незаконные проникновения и попытки непрофессионального копирования, представленные, в том числе, в сети Интернет.

Стилистика, хронология и интерпретация основных групп изображений

Кинжалы. Несмотря на большое число изображений кинжалов на плите, всех их объединяют такие признаки, как округлое навершие рукояти и крестовидное перекрестье. Одновременно имеются и различия, которые касаются размеров и пропорций рисунков. Длина кинжалов варьируется от 9 до 30 см. При этом среди них можно выделить наиболее крупные, длиной от 25 см, небольшие, длиной менее 16 см, и средние. По пропорциям можно выделить кинжалы, длина клинка которых чуть больше длины рукояти (абсолютное большинство), и с клинком значительно больше рукояти (рис. 2, 33). У некоторых рисунков ширина клинка к перекрестью слегка сужается, а в одном случае такое сужение весьма значительно (рис. 3, 59). Если пропорции крупных рисунков относительно реалистичны, то среди изображений

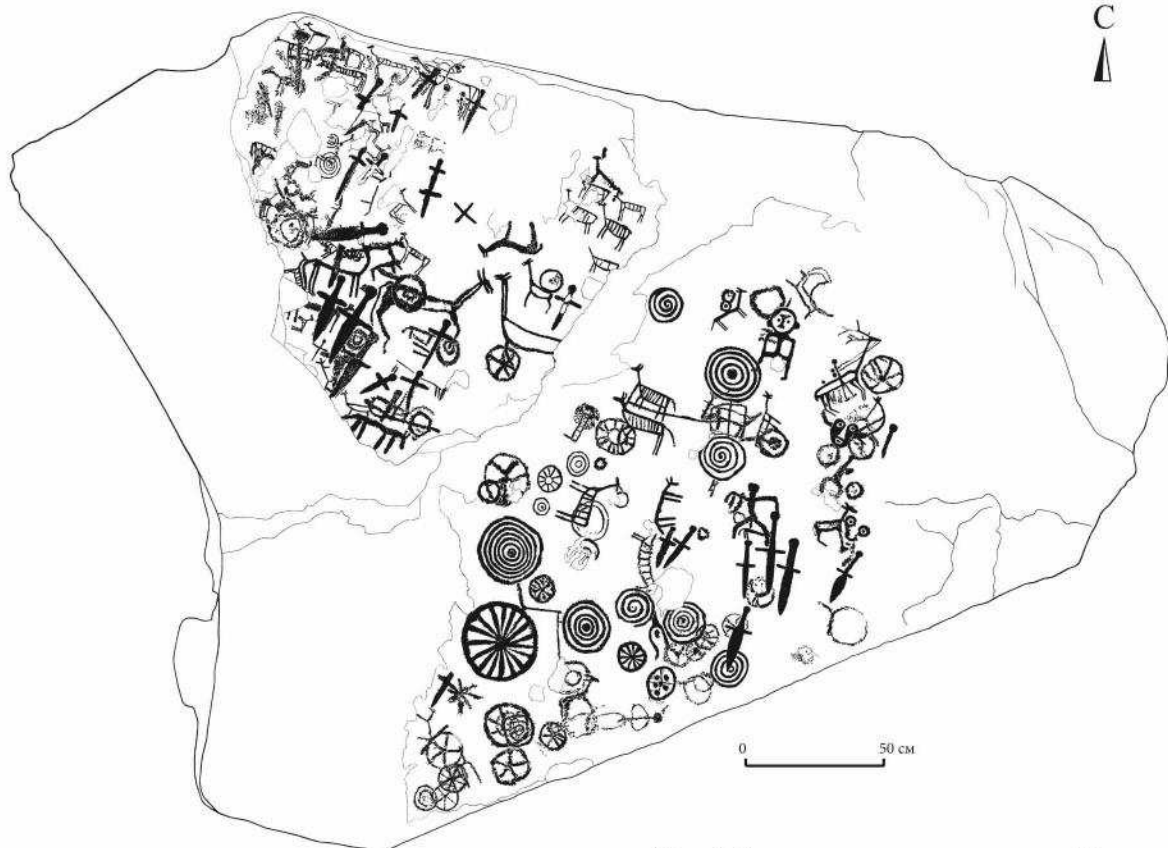

Рис. 1. Плита с рисунками в урочище Кизань

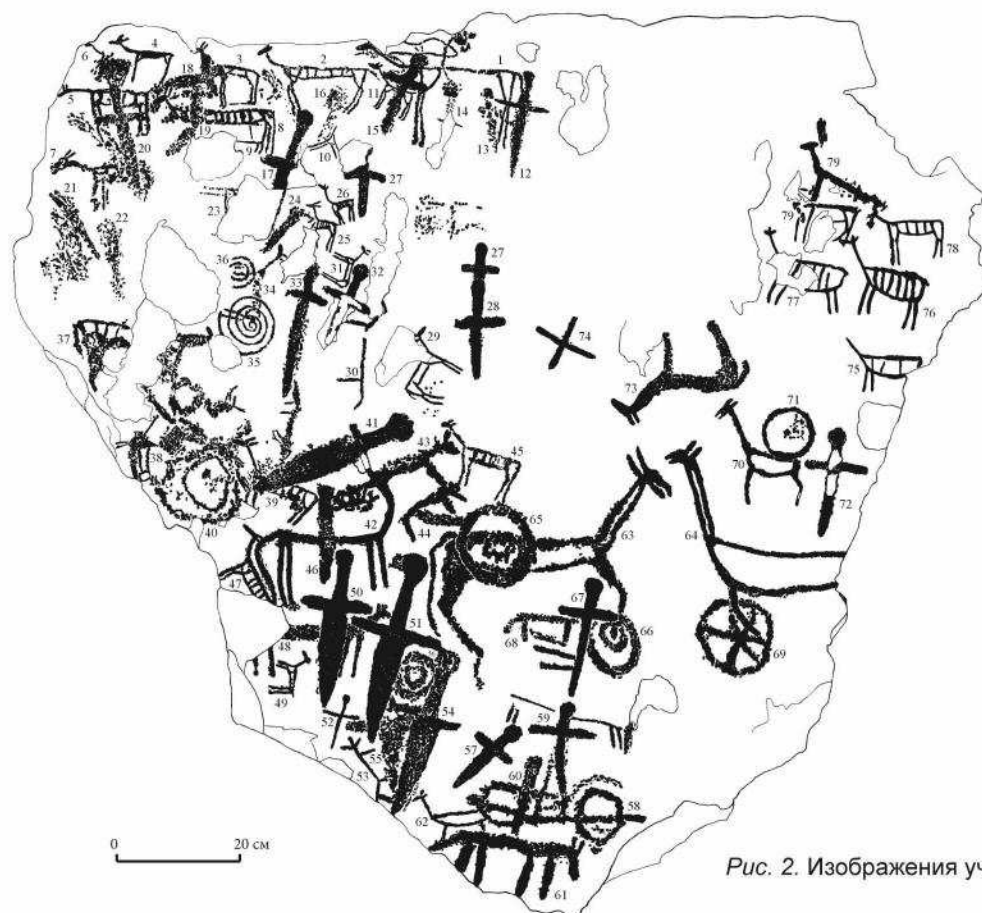

Рис. 2. Изображения участка 1

кинжалов небольшого и среднего размера многие переданы условно, в линейной манере (рис. 2, 52, 67 и др.). При этом стоит отметить, что этот схематизм определяется не только размерами рисунка, но и следованием определенным стилистическим принципам, аналогичным линейному стилю представленных здесь же изображений животных.

По комплексу признаков рисункам кинжалов с плиты можно найти вполне четкие аналогии среди подлинных бронзовых изделий Минусинской котловины. Ключевое значение для определения их типа имеет форма перекрестья, форма рукояти с утолщением на конце и форма клинка. Округлое или овальное утолщение на рукояти, как справедливо считал Б.Н. Пяткин [1979, с. 128], передает грибовидную шляпку – отличительный признак многочисленной и типологически неоднородной серии кинжалов эпохи поздней бронзы. Прямое и достаточно длинное перекрестье, форма рукояти и клинка позволяют идентифицировать их более определенно с одним из типов предтагарских кинжалов [Чле-

нова, 1976, с. 35, табл. 2, 10–12]. Большинство таких изделий на территории Минусинской котловины являются случайными находками (рис. 4). Один из них имеет длину 28,1 см, еще два – 22,3 и 23,3 см, что примерно соответствует размерам многих рисунков на плите. Один кинжал этого типа (длина 23,3 см) недавно найден в погребении баиновского типа в черте г. Абакан (могильник на территории Национального Банка Хакасии, мог. 6) [Минор, 2005, рис. 46], что позволяет более четко определить культурно-хронологическую позицию таких изделий. Поздние варианты этого типа, уже трансформированные под новые (раннетагарские) стандарты, встречаются в памятниках подгорновского этапа тагарской культуры [Савинов, 2012, табл. LXII, 7]. Ранее памятники баиновского типа

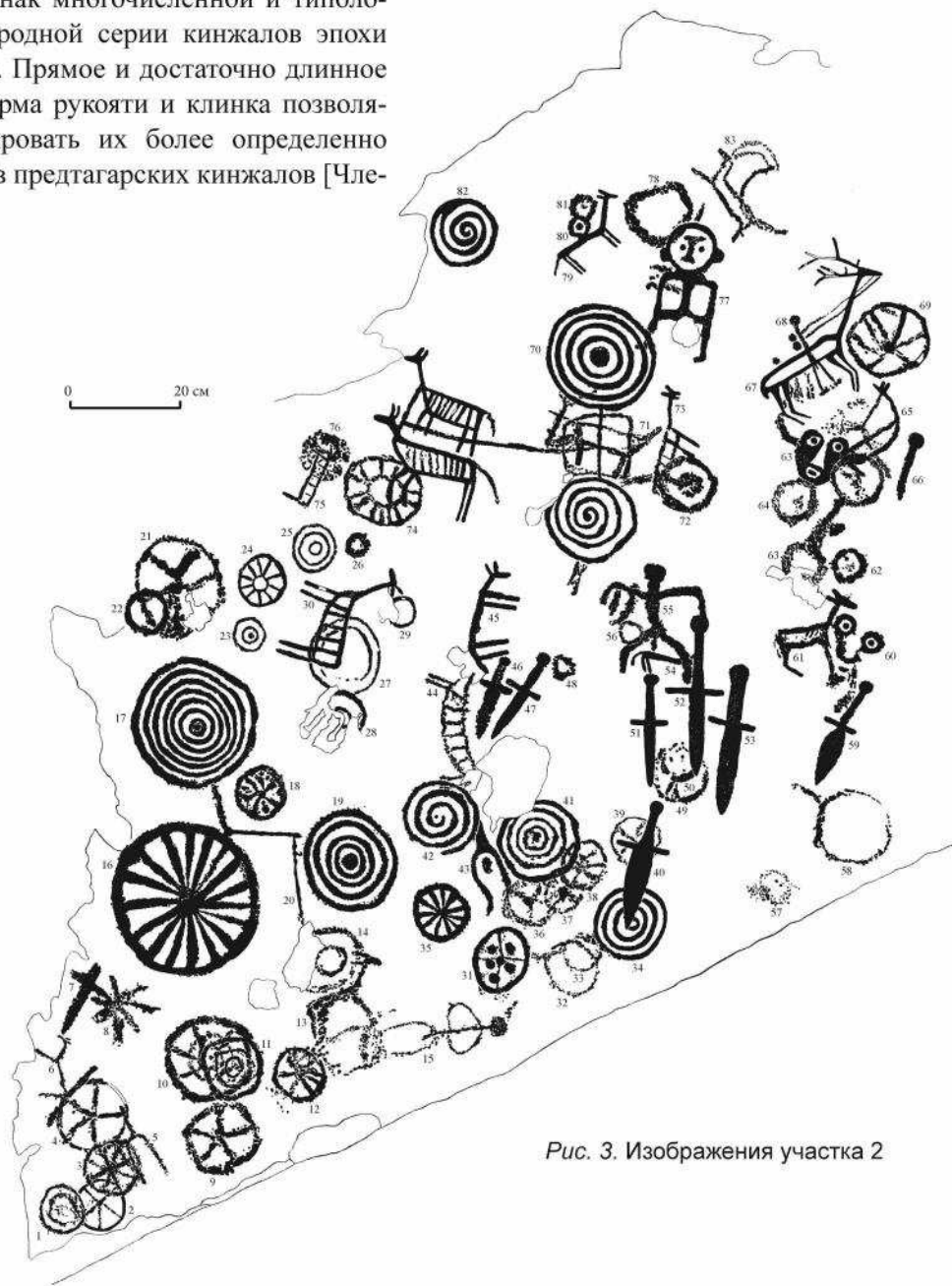

Рис. 3. Изображения участка 2

рассматривались как раннетагарские [Грязнов, 1968, с. 187–188; Вадецкая, 1986, с. 78–101]. Относительно недавно предложена новая гипотеза, обосновывающая их принадлежность к заключительному этапу эпохи бронзы [Лазаретов, 2006, с. 15, 16; Лазаретов, Поляков, 2008], вызвавшая достаточно продуктивную дискуссию [Герман, 2007, с. 21; Боковенко, 2010, с. 101, 102; Савинов, 2012, с. 35–37]. Однако независимо от культурной атрибуции этой группы памятников, ее хронологию, с учетом имеющейся серии радиоуглеродных дат по эпохе поздней бронзы и раннего железа, предлагается определять концом IX – началом VIII в. до н.э. или немного ранее [Лазаретов, Поляков, 2008, с. 53; Поляков, Святоко, 2009, с. 37–38; Боковенко, 2012, с. 100; Vokovenko, 2006, p. 863]. Эту датировку следует принять в качестве рабочей и для изображений кинжалов «Шаман-камня».

Минусинская котловина не была единственным регионом распространения таких кинжалов. Подобные изделия найдены также на территории Российского Алтая [Членова, 1976, табл. 6, 7, 8, 12], Западной Монголии [The Ancient Culture, 2009, p. 97], Западной Сибири [Членова, 1976, табл. 7, 5]. Подобный тип кинжалов представлен и на каменных стелах эпохи поздней бронзы – «оленных камнях» – Алтай и Монголии, а также среди изображений той же тематики на скале в долине реки Бегире в Туве [Турбат, 2008, рис. 2, 3; Төрбат и др., 2011, с. 64; Савинов, 2008, рис. III, IV, 4, 6; и др.]. Стоит отметить, что аналогии рисункам кинжалов из Хакасии имеются на всех трех типах оленных камней (монголо-забайкальский, саяно-алтайский, евразийский; см.: [Новгородова, 1989, табл. на с. 204]). Причем среди находок с Алтая

и изображений на некоторых оленных камнях есть экземпляры, длина клинка которых значительно превышает длину рукояти, подобно отдельным рисункам «Шаман-камня» [Членова, 1976, табл. 6, 9–11; Төрбат и др., 2011, с. 91]. Один из монгольских кинжалов с грибовидной шляпкой и прямым перекрестьем найден в погребении V–III вв. до н.э. (Улангомский могильник, мог. 43) [Новгородова, 1989, с. 262, рис. 9]. Но эту необычную находку необходимо рассматривать как более древнее оружие, возможно передававшееся по наследству [Там же, с. 274], либо попавшее к своему последнему владельцу из какого-то разрушенного или ограбленного памятника более раннего времени.

Довольно часто на «Шаман-камне» изображения кинжалов выбиты поверх рисунков животных (рис. 2, 12, 15, 41 и др.), концентрических окружностей (рис. 3, 40 и др.), а также перекрывают одну из повозок (рис. 2, 59, 60). При этом обратных случаев на плите нет. Фактически изображения этого оружия формируют верхний хронологический горизонт основного комплекса петроглифов данного памятника.

На фоне тематики более ранних рисунков этот горизонт отразил определенные изменения, произошедшие в мировоззрении населения на рубеже карасукской и тагарской культур, демонстрируя возрастание роли военной сферы в жизни общества. Нет сомнений, что изображения кинжалов наносились на плиту на протяжении определенного времени. Об их одновременности наглядно свидетельствует несколько случаев, когда одни рисунки кинжалов выбиты поверх других (рис. 2, 28, 51 и др.). Многократное повторение одних и тех же образов, вероятно, связано с периодическим повторением здесь каких-то связанных с оружием обрядов. Представляется достаточно убедительной гипотеза Д.Г. Савинова, полагающего, что связанные с кинжалами представления и обряды конца эпохи бронзы Центральной Азии могли стать важным компонентом культа священного меча, сложившегося позднее у скифов Причерноморья [Савинов, 2008, с. 47–50]. Последний известен по описанию середины V в. до н.э. греческого историка Геродота [IV, 62], ряда других античных авторов, нашел отражение в осетинском нартском эпосе [Бессонова, 1983, с. 46–50; 1984]. Составной частью этого культа были ежегодные жертвоприношения, которые можно рассматривать как выражение благодарности

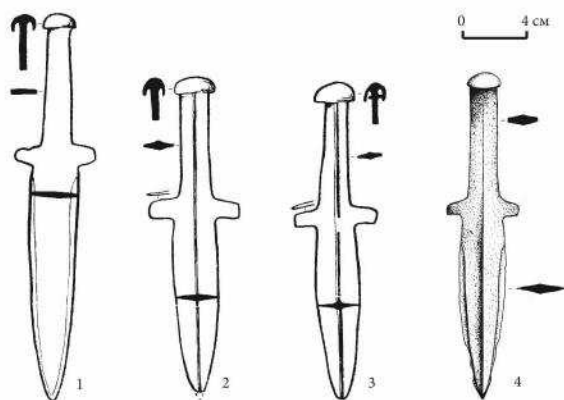

Рис. 4. Предтагарские кинжалы Минусинской котловины: 1–3 – по: [Членова, 1976, табл. 2, 10–12]; 4 – по: [Минор, 2005, рис. 46]

за одержанные победы и за защиту от врагов территории проживания племени.

Фигуры животных. Большинство рисунков животных на плите, вероятно, передают лошадей, хотя изображение хвоста фиксируется не всегда. Единичными фигурами представлены олень и, видимо, козел. Не исключено также, что часть фигур может изображать животных семейства оленьих, но без рогов. И стилистически, и стратиграфически (случаи перекрывания их рисунками кинжалов) практически все рисунки животных относятся к эпохе поздней бронзы. Вместе с тем, несмотря на принадлежность к одной эпохе, с точки зрения стилистических особенностей эти рисунки неоднородны. Классифицировать их можно по-разному: 1) сравнивая изображения на плите с отличительными признаками стилистических вариантов, выделенных ранее по материалам других памятников эпохи поздней бронзы Минусинской котловины [Леонтьев, 1980; Ковтун, 2001; Ковалева, 2011; и др.]; 2) сравнивая изображения плиты между собой и выделяя группы на основе набора признаков, представленных именно на этом памятнике. Второй вариант представляет-

ся более актуальным, т.к. позволит детальнее разобраться с особенностями представленных здесь зооморфных рисунков. Кроме того, он предпочтительнее еще и по той причине, что универсальной и непротиворечивой концепции, касающейся выделения изобразительных стилей карасукского времени, пока не сложилось. Порой одно и то же изображение разные исследователи относят к разным стилям, что свидетельствует о разной оценке «веса» тех или иных признаков.

По результатам предпринятого анализа может быть предложено выделение четырех основных групп изображений животных «Шаман-камня».

Первая группа объединяет наиболее простые и схематичные рисунки, у которых туловище, шея, хвост, ноги переданы одинарными линиями (рис. 5). Такой стиль можно условно назвать простым линейным. Рисунки демонстрируют несколько его вариантов, которые различаются количеством ног, формой хвоста, положением шеи и др. Сюда же, в качестве одного из вариантов, хотя и с определенной долей условности, могут быть включены единичные на «Шаман-камне» изображения, у которых туловище и шея показана

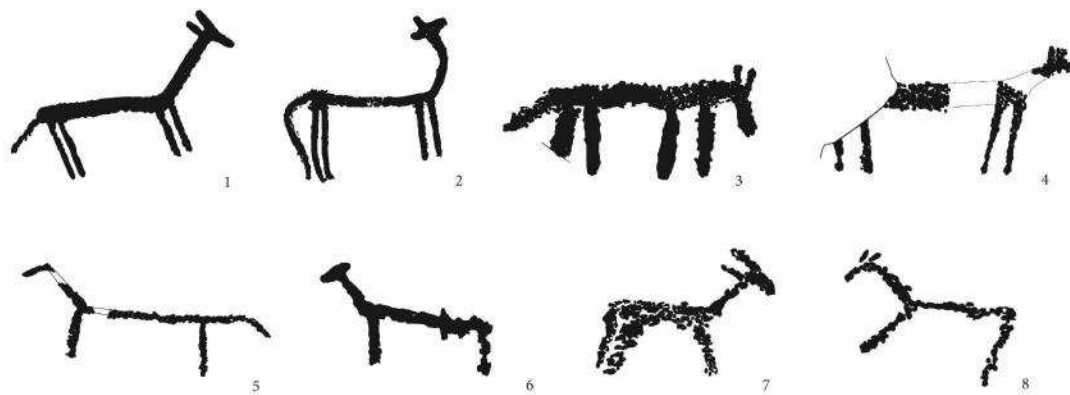

Рис. 5. Некоторые изображения животных первой группы (простой линейный стиль)

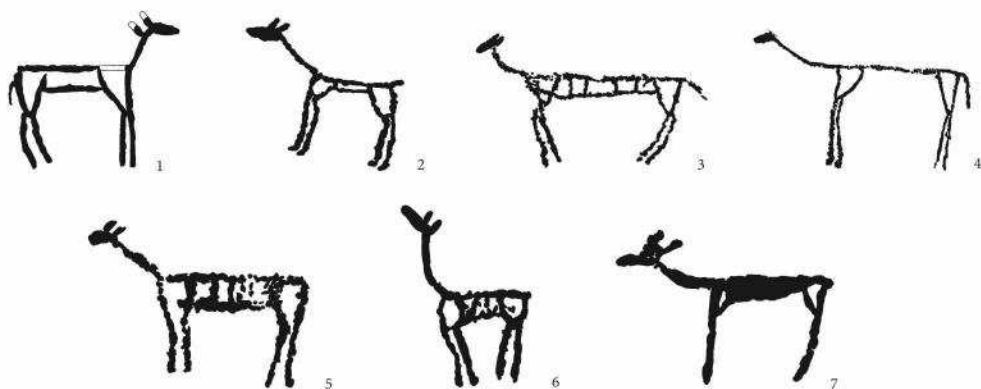

Рис. 6. Некоторые изображения животных второй группы (сложный линейный стиль)

ны более широкими линиями, чем ноги (рис. 5, 1, 4), но в целом следующие общим для данной группы принципам. Рисунки этой группы обнаруживают чрезвычайно широкий круг аналогий на других памятниках эпохи поздней бронзы, включая плиты из погребений и с поселения [Ковалева, 2011, табл. 108–111, 113–117].

Вторая, самая многочисленная, группа объединяет рисунки, стиль которых можно условно определить как сложный линейный (рис. 6). Туловище и бедра животного здесь изображены объемно, по контуру, но при этом изображение остается схематичным, как бы составленным из отдельных геометрических фигур, и конструируется из отдельных линий. Специфику данной группы памятника прежде всего задают изображения бедер в форме подтреугольных фигур. Довольно часто на туловище показаны поперечные линии. Можно реконструировать следующую последовательность создания фигуры животного этой группы: 1) линия спины и шеи; 2) бедра и ноги; 3) контур живота (представлен в двух вариантах: а) слегка выгнутая или прямая линия, соединяющая бедра ниже линии спины; б) дугообразно изогнутая линия, передний конец которой соединяется с линией спины/шеи, а задний – либо тоже с линией спины, либо с бедром); 4) поперечные линии внутри туловища. Хвост и голова могли изображаться как сразу после нанесения линии спины и шеи, так и на завершающем этапе. В отличие от первой группы, аналоги таким рисункам на других памятниках неизвестны. Наиболее близки им рисунки так называемого «линейно-

контурного» (в том числе и т.н. «проволочного») стиля, представленные на горе Суханиха и других памятниках Минусинской котловины [Там же, табл. 46–48, 56 и др.]. Их можно рассматривать как разные варианты одной группы.

Третья группа (рис. 7) демонстрирует частичный отход от схематичного линейного принципа передачи образа. Объемное, моделируемое по контуру туловище выступает здесь как ключевой и целостный элемент фигуры. Ноги, как правило, изображены в динамичном положении и могут иметь разную толщину линии (обычно слегка согнуты, в верхней части расширены). Более реалистично, по сравнению с предыдущими группами, изображена голова – у некоторых изображений показан открытый рот. Обращает на себя внимание такая особенность этой группы как гипертрофированно длинная, вытянутая вверх шея у ряда рисунков (у самых крупных фигур она изображена по контуру). Этим рисункам можно отметить аналоги среди петроглифов других местонахождений горы Оглахты, а также на одной из плит кургана Барсучий лог [Ковалева, 2011, рис. 19, 1–3; табл. 97, 1].

В четвертую группу (рис. 8) могут быть объединены изображения с трапецевидным и подпрямоугольным туловищем. На туловище типичны поперечные линии. Ноги обычно показаны схематично прямыми параллельными линиями. По некоторым признакам отдельные изображения этой группы демонстрируют близость рисункам третьей группы. Четвертая группа изображений наиболее близка рисункам животных

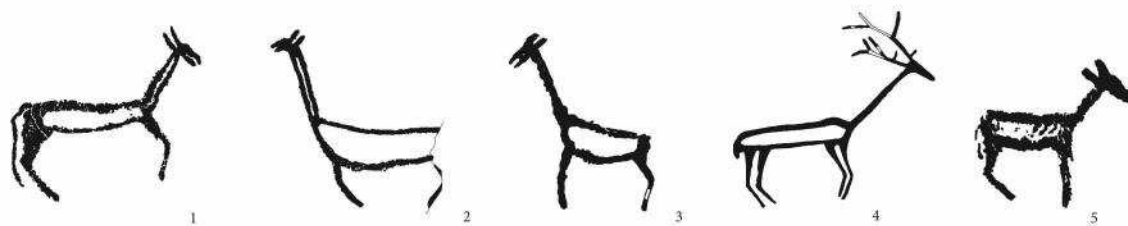

Рис. 7. Некоторые изображения животных третьей группы

Рис. 8. Некоторые изображения животных четвертой группы

с подпрямоугольным туловищем на других местонахождениях горы Оглахты и на горе Тепсей [Ковалева, 2011, рис. 13, 1–3, 6, 7].

Помимо четырех групп, на плите имеются единичные изображения, не включенные ни в одну из них по причине относительного своеобразия отдельных признаков или из-за неполной сохранности.

Случаи нанесения одних изображений животных поверх других на плите единичны. Отметим факты выбивки фигур первой группы поверх головы лошади второй группы (рис. 2, 79) и поверх ног животного (рис. 2, 61), форма туловища, вытянутая вверх шея и количество ног которого близки одному из вариантов третьей группы (рис. 2, 64).

Причины появления на одной плите в одну эпоху довольно сильно стилистически варьирующихся изображений животных (причем в основном одного вида, что особенно показательно), конечно, могут быть связаны с процессами развития изобразительной традиции во времени. Однако в данном случае такого объяснения, видимо, недостаточно, т.к. выделенные группы не образуют единый типологический ряд. Наряду с хронологическими различиями, отмеченное стилистическое разнообразие могло являться отражением неоднородности проживавшего в долине р. Енисей населения, существования и взаимодействия разных по происхождению групп, изобразительные традиции которых обладали некоторым исходным своеобразием и определенной самостоятельностью.

Колесный транспорт. Обе представленные на плите повозки – двухколесные и предназначены для парной запряжки. Кузов и дышло обеих показаны в проекции сверху, а колеса – в проекции сбоку, но развернуты в одной пло-

скости с кузовом. В то же время по конструкции эти повозки принципиально отличаются. У одной из них кузов подпрямоугольной формы, а дышло в виде одинарной жерди, которая пересекается с осью колес и образует основание кузова (рис. 9, 1). У другой кузов имеет вытянутую треугольную форму, а его боковые жерди одновременно образуют составное дышло (рис. 9, 2). Первая повозка изображена с упряжными животными, которые показаны в проекции сбоку и расположены одно над другим. Вторая показана распряженной и обращена дышлом вверх. Обе конструкции имеют параллели на других памятниках наскального искусства Минусинской котловины эпохи поздней бронзы [Kovaleva, 2011, tab. 1]. Однако случаи сочетания обеих типов повозок на одной плоскости единичны. Тем не менее нет никаких сомнений, что они параллельно использовались в Минусинской котловине в эпоху поздней бронзы. С точки зрения датировки немаловажен факт выбивки поверх повозки с треугольной рамой изображений кинжалов с грибовидной шляпкой на рукояти и прямым длинным перекрестьем, что позволяет определить верхний хронологический рубеж рисунка. Нижний его рубеж помогает понять поврежденная одним из колес фигура копытного, сопоставимая с третьей группой изображений животных.

Н.В. Леонтьев в первой специальной работе, посвященной колесному транспорту Минусинской котловины, выделив разные типы колесного транспорта карасукского времени, высказывал мысль об их разном назначении (перевозка людей и перевозка грузов) [Леонтьев, 1980, с. 80–81]. Думается, отчасти это верно. В то же время необходимо обратить внимание, что за таким принципиальным различием кон-

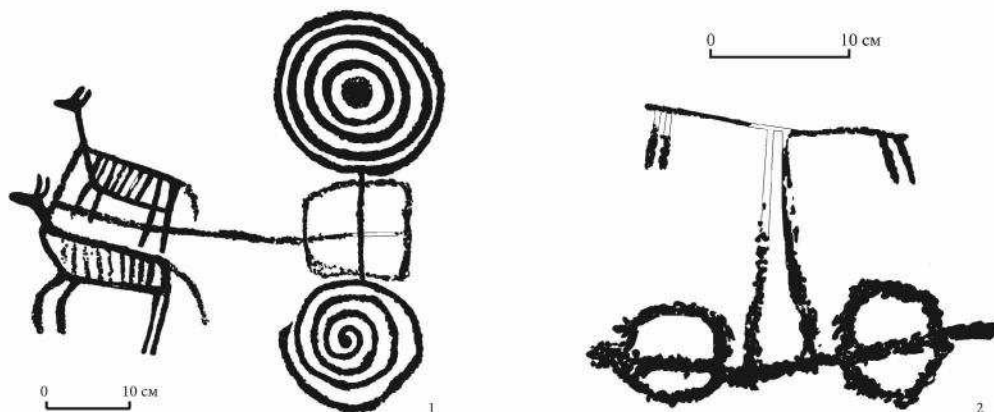

Рис. 9. Изображения повозок

струкции стоят разные производственные традиции, формировавшиеся в разной культурной среде. Конструкция повозки с дышлом из двух сходящихся жердей очень близка повозкам Минусинской котловины эпохи ранней бронзы с крупным рогатым скотом в качестве тягловых животных [Есин, 2012б, рис. 3, 8, 9]. Она, вероятно, продолжает традицию изготовления колесного транспорта, представленного в окуневской культуре. Конструкция двухколесной повозки с дышлом из одинарной жерди и лошадиной запряжкой появилась в Минусинской котловине вместе с новыми мигрантами во II тыс. до н.э. Типологически она, вероятно, восходит к той конструкции, которая уже в начале II тыс. до н.э. представлена в западной части евразийского степного пояса (могильник Синташта и др.). Вместе с тем время ее появления на Енисее пока точно не известно. Она, безусловно, использовалась населением, оставившим памятники карасукской культуры конца II тыс. до н.э. Однако схожую конструкцию, судя по материалам более западных регионов, могли использовать и носители андроновской культуры, мигрировавшие в регион несколькими веками ранее.

В повозку с одинарным дышлом запряжены животные, отнесенные к четвертой стилистической группе. Высказывалось мнение об их разной видовой принадлежности (лошадь и, возможно, лань), подобно «чудесным» упряжкам в петроглифах Саймалы-Таш [Леонтьев, 2001, с. 240]. На наш взгляд, оба животных – лошади. При этом между ними действительно есть различия по размеру, положению ног и другим деталям. Определить, с какой группой животных соотносится рисунок распряженной повозки, сложнее. Если учитывать характер грубой выбивки колес и оси, ее, пожалуй, можно соотнести с изображенной ниже лошадью первой группы. На перекладине ярма данной повозки показаны «рогатки», использовавшиеся для крепления на шее тягловых животных. По сравнению с колесами и осью эта часть рисунка выполнена более узкими, прошлифованными линиями.

Внутри контура туловища лошадей, запряженных в повозку, выбиты поперечные линии. Такие же линии имеются и у ряда самостоятельных рисунков животных на этой плите. Безусловно, это существенная особенность образа, связанная с его содержанием. Изучение такого

приема по материалам окуневской и самусьской культур выявило, с одной стороны, его связь с передачей некоторых элементов внутреннего строения животного или человека, а с другой, с ритуальным отождествлением частей тела с частями мира, связывая изображенный персонаж с мифологической сферой культуры и наделяя особыми качествами [Есин, 2012а]. Контексты использования данного приема в материалах эпохи поздней бронзы менее информативны, но тоже допускают возможность отождествления поперечных линий на туловище с костями скелета. В свою очередь, это, с одной стороны, отсылает к теме жертвоприношений и погребальных повозок, тем более что такая практика обращения с конструктивно близкими колесницами с лошадиной запряжкой действительно имела место в синташтинской, петровской и алакульской культурах предшествующего времени Урало-Казахстанских степей [Чечушков, 2013, с. 18]. С другой стороны, это может означать, что показанные таким образом животные принадлежат к иному миру, где они лишены земной плоти.

У распряженной повозки с треугольной рамой колёса изображены в виде выбитых по контуру кружков. Колесная ось пересекает кружки, а ее концы выступают за их пределы. Эти колеса показаны очень условно, но если допускать, что отсутствие спиц отражает реальность, то они могли быть цельными или составными дисковыми. Вторая повозка, имея в основе иную, но столь же реальную конструкцию своего времени, обладает разными и очень необычными колесами: одно состоит из четырех последовательно вписанных одна в другую окружностей и кружка в центре, другое имеет вид закрученной в четыре оборота спирали. Ось соединяет, но не пересекает колеса. Само по себе противопоставление по каким-то признакам двух колес на концах одной оси не единично. Оно имеет ряд параллелей среди изображений повозок как поздней, так и ранней бронзы региона [Леонтьев, 1980, с. 79; Ковалева, 2011, с. 49, 52; Есин, 2012б, с. 23]. Однако форма колес данной повозки пока уникальна. Судя по ряду признаков (разный диаметр колес, разная глубина выбивки колес и кузова колесницы, наличие на плите большого числа самостоятельных изображений окружностей и спиралей), данные фигуры первоначально были выбиты на камне в качестве самостоятельных изображений, а затем, когда

создавался рисунок повозки, их просто включили в структуру нового образа в качестве колес. Кстати, одно из тягловых животных выбито по верх окружности с лучами внутри, что дополнительно подтверждает предложенную гипотезу о более позднем времени появления изображения этой повозки по сравнению с частью окружностей и спиралей.

Совершенно очевидно, что ни концентрические окружности, ни спираль с точки зрения своей внутренней структуры изображением колес не являются – это значение для них формируется только благодаря контексту, в который они включены. Собственная структура этих знаков моделирует что-то другое, что могло получить значение «колесо» только в мифах и специальных ритуальных текстах, широко использующих метафоры. Например, во многих культурах были распространены отождествления колеса со светилом [Евсюков, Комиссаров, 1984, с. 59, 61]. В частности, в гимнах Ригvedы, созданной в эпоху поздней бронзы скотоводами другой части Азии, по отношению к колесам транспорта богов используются такие эпитеты как «раскаленное» [РВ, II, 34, 9], «золотое колесо солнца» [РВ, VI, 56, 3], а по отношению к двум колесам одной повозки – «два сверкающих» [РВ, X, 85, 12] (видимо, тут имелись в виду солнце и луна [Елизаренкова, 1999, с. 484]). Кроме того, колесо использовалось в ритуальных текстах как символ повторяющегося годичного временного цикла [Там же, с. 472]. В древнеиранской мифологии в форме колеса со спицами описывалось устройство всего земного мира [Рак, 1998, с. 96, 97] (схожая черта есть и в РВ, где одно и то же слово используется для обозначения втулки колеса и центра мироздания [Елизаренкова, 1999, с. 474]). В таком контексте странная форма колес транспортного средства на плите из Кизани вполне объяснима. Противоречие между собственным и контекстным значением изобразительного элемента свидетельствует о его использовании в структуре изображения по принципу метафоры [Есин, 2009, с. 45–46]. Цель такого рисунка – не просто изобразить колесницу, а передать изобразительными средствами какие-то ее качественные характеристики. Конечно, для того чтобы понять эту метафору, необходимо выяснить собственное значение концентрической окружности и спирали для создававшего эти рисунки населения. Точное собственное значение этих знаков нам пока не-

известно, однако его связь с образами светил (солнца и луны) представляется наиболее вероятной. В свою очередь, такая интерпретация колес раскрывает мифологический характер изображенной на плите колесницы и ее способность передвигаться по небу.

Окружности и спирали. Спирали, окружности и окружности с лучами внутри образуют особую группу изображений на плите. Спирали, которых зафиксировано четыре (включая «колесо» повозки), показаны в три или четыре оборота. Одна из них – замкнутая (рис. 3, 82), а остальные – открытые. Другой тип изображений этой группы – окружности – отличается большим числом и разнообразием исполнения: в самом простом варианте окружность имеет только один выбитый контур, в наиболее сложном – семь колец вокруг небольшой лунки в центре. Окружности с лучами внутри различаются по количеству лучей (5, 6, 7, 8, 10, 11, 13, 17) и по способу трактовки центра окружности (в одном варианте центр знака является точкой пересечения всех лучей, в другом он отмечен контурным кружком). Некоторые из рисунков этой группы перекрыты изображениями кинжалов и животных эпохи поздней бронзы, другие сами выбиты по верх фигур животных. Это позволяет датировать их тем же временем поздней бронзы, что и большинство других изображений данного памятника. Можно отметить, что изображения круга с лучами внутри и спирали представлены также на одном из оленных камней Монголии (выставлен в Национальном музее Монголии).

Круги с лучами внутри напоминают своей формой колесо со спицами, уже известное в это время. Этот факт, а также использование окружности другого типа и спирали в качестве колес повозки позволили Б.Н. Пяткину считать попарно расположенные рисунки этой группы условными изображениями колесниц [Пяткин, 1985, с. 118]. Применительно к большинству таких рисунков на плите согласиться с этой идеей сложно, т.к. какие-либо дополнительные элементы повозки (кузов, ось и др.) не показаны. Предполагаемая парность кругов также вовсе не очевидна: в большинстве случаев не вызывает сомнений самостоятельный характер нанесения каждого такого знака. Лишь в одном случае два простых контурных кружка соединены прямой линией и, действительно, напоминают условное изображение колес на оси (рис. 3, 63).

Датировку этого рисунка уточняет тот факт, что он выбит поверх задней части крупа животного, признаки которого (форма туловища, вытянутая вверх шея, открытый рот, две ноги) позволяют соотносить его с рисунками животных третьей группы. В искусстве эпохи поздней бронзы Минусинской котловины аналоги изображению в виде двух кругов на концах короткой прямой линии есть на ряде других памятников. Вероятно, как и в случае с проанализированной выше колесницей, самостоятельный образ двух колес на одной оси мог метафорически соотноситься с явлением иного порядка.

Аналогия с колесом является не единственной для окружностей на плите из Кизани. Для кругов с лучами внутри можно отметить сходство с планировкой некоторых херексурсов Тувы и Монголии, а также кургана Аржан раннескифского времени. Но для спиралей и концентрических окружностей найти какие-то эквиваленты в мире вещей, которые были знакомы населению Минусинской котловины около трех тыс. лет назад, значительно труднее. По общей круглой форме определенное сходство имеется лишь с зеркалами и некоторыми нашивавшимися на одежду бляшками. В то же время, как уже было отмечено выше, для многих народов образы, подобные выбитым на плите, были символами небесных светил, циклов времени или схематично передавали представления о форме мира в плане и делении его на отдельные части и зоны. Часто разные значения существовали параллельно. Например, в одном и том же гимне Ригvedы колесо со спицами выступало и как символ повторяющегося годового цикла времени, и как символ движущегося солнца [Елизаренкова, 1999, с. 472]. Многозначность, возможность сразу нескольких объяснений, основанных на ассоциативных связях, допускают и изображения данной группы на плите из Кизани.

Выходя за пределы эпохи поздней бронзы, для данной группы рисунков можно отметить сходство со структурой так называемых «солярных знаков» окуневской культуры [Леонтьев и др., 2006, табл. 3]. С другой стороны, окружности с лучами и спирали продолжают изображаться на Оглахтах в скифское время: их можно нередко встретить на крупах лошадей и оленей [Советова, 2005, рис. 3, табл. 2]. Концентрические окружности и спирали довольно типичны для искусства последних веков до н.э. Среди памятников таштыкского времени с Оглахтов за-

служивают внимания спирали на крупе наскального изображения лошади и на лбу моделированного из гипса женского лица III в. [Панкова, 2008, рис. II; Вадецкая, 2009, рис. 99]. Наиболее поздние фигуры такой формы есть среди хакасских народных рисунков этого района [Кызласов, Леонтьев, 1980, табл. 12, 34, 38, 39].

Антропоморфные изображения. Большой интерес представляет человеческая фигура с круглой головой и без шеи (рис. 10, 1). Ее туловище имеет форму прямоугольного контура без рук с вертикальной линией по оси; линии ног продолжают боковые линии туловища; выделены ступни. Правда, для этой же фигуры возможно иное объяснение: собственно туловище изображено одинарной вертикальной линией, от которой отходят согнутые в локтях и опущенные вниз руки, кисти которых находятся на коленях широко расставленных и полусогнутых ног. У фигуры очень специфично трактованы детали лица: нос передан вертикальной линией, сверху и снизу ограниченной горизонтальными. По сторонам носа кружками показаны глаза, но рот не изображен. С внешней стороны круглого контура головы силуэтно изображены уши полукруглой формы. Специфичная круглая форма головы, форма носа, отсутствие рта, наличие полукруглых ушей не имеют параллелей среди петроглифов Минусинской котловины, зато находят точные аналогии на территории Тувы в урочище Мугур-Саргол (рис. 10, 2). Там же имеется и изображение туловища схожей формы [Дэвлет,

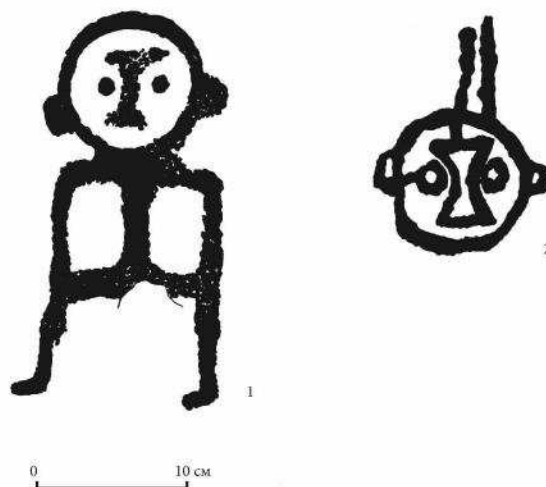

Рис. 10. Изображение антропоморфного образа на плите из урочища Кизань (1) и аналог с территории Тувы (2 – по: [Дэвлет, 1976, табл. 20])

1976, табл. 36, 2; 41, 2]. Приведенные аналогии свидетельствуют о культурных контактах древнего населения Минусинской котловины и Тувы, а возможно, являются и отражением миграции какой-то группы населения с юга на север по р. Енисей. Немаловажно, что и само расположение изображений на верхней плоскости плиты тоже более типично для Тувы, а для Хакасии, где в эпоху бронзы основная часть петроглифов наносилась на вертикальные грани, редкость. В Туве подобные антропоморфные изображения пока датируются в достаточно широких временных пределах от эпохи ранней бронзы до поздней бронзы включительно [Дэвлет, 1998, с. 145–158]. Верхнюю дату рисунка из Кизани определяет колесо повозки из нескольких концентрических окружностей, выбитое поверх ноги фигуры, а нижнюю дату – простая окружность неправильной формы, перекрытая головой фигуры. Скорее всего, окружность неправильной формы принадлежит к большой группе выбитых здесь кругов и спиралей, хотя ее невыразительность и очень простая форма оставляют возможность и для других интерпретаций.

К числу наиболее ранних образов на поверхности плиты относятся изображения еще двух ликов (рис. 11). Один из них имеет сердцевидный контур. Нос, глаза и рот переданы с использованием контррельефа. Второе лицо не имеет контура – изображены только глаза, нос и рот. Лик с сердцевидным контуром обнаруживает явные параллели в искусстве окуневской культуры [Ковалева, 2011, фото 4; Леонтьев и др., 2006, № 72, 83, 238 и др.]. Второй лик достаточно своеобразен и точных аналогий в окуневском искусстве на сегодняшний день не имеет, хотя тоже близок некоторым образам на стелах [Леонтьев и др., 2006, № 262 и др.]. Пока не ясно, синхронны ли данные лики с описанной выше круглоголовой фигурой. Однако в любом случае выбиты они были явно не позднее, чем она. В пользу синхронизации могла

бы свидетельствовать выбивка подтреугольных очертаний ниже рта у лика без контура, которая смыкается с ногой соседнего животного. Похожий элемент, по форме и позиции напоминающий бороду, есть у некоторых ликов без контура из Тувы [Дэвлет, 1998, рис. 3, 2, 3]. Однако точная идентификация и синхронизация этой выбивки с ликом на плите из Кизани затруднена.

По мнению Б.Н. Пяткина [1985, с. 118–119], которое разделяли все последующие исследователи, данные лики принадлежат к тому же хронологическому пласту, что и все другие изображения плиты, т.е. к эпохе поздней бронзы. Б.Н. Пяткин обосновывал это тем, что сердцевидный лик правой щекой и подбородком перекрывает круги. Однако новое, более тщательное изучение памятника свидетельствует об обратном: подбородок лика перекрыт кругом, щека – задней частью крупа животного (сопоставимого с третьей группой) и знаком в виде двух кругов на концах короткой прямой линии. Таким образом, обосновать гипотезу о датировке данных антропоморфных ликов эпохой поздней бронзы стратиграфия рисунков на плите не позволяет. Кроме того, способ показа туловища круглоголовой фигуры резко отличается от стилистики эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Наконец, следует учесть, что другие памятники карасукского времени Минусинской котловины с подобными антропоморфными ликами не известны.

Все это, наряду с аналогиями в искусстве окуневской культуры, можно рассматривать как аргументы в пользу того, что данная группа антропоморфных образов относится к более раннему времени, чем конец II тыс. до н.э. Вероятность датировки данных рисунков эпохой поздней бронзы сохраняется лишь в случае их связи с населением с территории Тувы, при условии, что там традиция создания стилистически близких рисунков действительно доживает до конца II тыс. до н.э. Гипотеза о позднем возрасте антропоморфных ликов из Тувы в последнее время не оспаривалась, но в то же время пока не получила подтверждения надежно датированными находками из погребального или поселенческого контекста.

Другие антропоморфные образы на плите резко отличаются от рассмотренных. Лучше всего сохранились горизонтальная человеческая фигура с руками на поясе (рис. 3, 15) и всадник с поводьями, показанный поверх

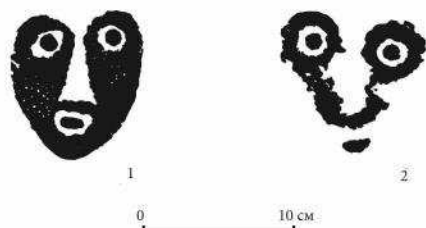

Рис. 11. Изображения лиц

олена эпохи поздней бронзы (рис. 3, 68). Еще один всадник с поводьями был выбит поверх соседней фигуры лошади, но сохранился плохо. Возможно, они принадлежат к числу хакасских народных рисунков, довольно многочисленных в урочище Кизань.

Заключение

Таким образом, основная часть изображений на плите связана с эпохой поздней бронзы и может быть датирована концом II – началом I тыс. до н.э. Более ранний возраст допустим для двух ликов и одной антропоморфной фигуры. К более позднему времени относятся единичные хакасские народные рисунки. В целом небольшая плита из урочища Кизань является одним из самых крупных по числу изображений и самых важных памятников наскального искусства эпохи поздней бронзы в Хакасии. Концентрация такого большого количества изображений одной эпохи на одной плите и многократное повторение одних и тех же образов связаны с периодическим повторением каких-то обрядов, проводившихся на этом месте. Для части этих обрядов важную роль играло оружие – бронзовый кинжал. Для других были важны образы, связанные с небом, природными и календарными циклами. Население, которое участвовало в этих обрядах, проживало здесь же, у южного склона Оглахтов в долине р. Енисей. Петроглифы «Шаман-камня» являются важным источником для изучения многих аспектов культуры населения Минусинской котловины в эпоху бронзы, в том числе существовавших бытовых реалий, изобразительных традиций, обрядов и верований.

Литература

- Адрианов А.** Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. – 1908. – № 8. – С. 37–46.
- Белокобыльский Ю.Г.** Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований (XVIII – первая треть XX в.). – Новосибирск: Наука, 1986. – 168 с.
- Бессонова С.С.** Религиозные представления скифов. – Киев: Наукова думка, 1983. – 139 с.
- Бессонова С.С.** О культе оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. – Киев: Наукова думка, 1984. – С. 3–22.
- Вадецкая Э.Б.** К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия лаборатории археологических исследований. – Вып. 6. – Кемерово, 1973. – С. 91–159.
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.
- Вадецкая Э.Б.** Древние маски Енисея. – СПб.; Красноярск: Версо, 2009. – 248 с.
- Вяткина К.В.** Наскальные изображения Минусинской котловины // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. – 1949. – Т. XII. – С. 188–237.
- Герман П.В.** Погребальные комплексы раннего этапа тагарской культуры (систематика и археологическая интерпретация): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2007. – 26 с.
- Геродот.** История. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
- Грязнов М.П.** Тагарская культура // История Сибири. – Т.1. – Л.: Наука, 1968. – С. 187–196.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы Улуг-Хема. – М.: Наука, 1976. – 120 с.
- Дэвлет М.А.** Памятники на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 287 с.
- Евсюков В.В., Комиссаров С.А.** Бронзовая модель колесницы эпохи Чуньцю в свете сравнительного анализа колесничных мифов // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 52–67.
- Елизаренкова Т.Я.** Мир идей ариев Ригведы // Ригведа. Мандалы V – VIII. – М.: Наука, 1999. – С. 452–486.
- Есин Ю.Н.** Древнее искусство Сибири: самусьская культура. – Томск: Томский гос. ун-т, 2009. – 526 с.
- Есин Ю.Н.** Анатомический код в искусстве самусьской и окуневской культур // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию Светланы Вячеславовны Студзицкой и Михаила Федоровича Косарева. – Томск: Аграф-Пресс, 2012а. – С. 102–107.
- Есин Ю.Н.** Древнейшие изображения повозок Минусинской котловины // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2012б. – №1 (3). – С. 14–47.
- Ковалева О.В.** Наскальные рисунки эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – 160 с.
- Ковтун И.В.** Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии (Проблема генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. – 184 с.
- Ким Чжонг Бэ, Чжан Со Хо, Боковенко Н.А., Килуновская М.Е.** Наскальные изображения Центральной Азии. – Сеул, 2007. – 355 с. (на корейском и рус. яз.)

Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В. Народные рисунки хакасов. – М.: Наука, 1980. – 176 с.

Лазаретов И.П. Заключительный этап эпохи поздней бронзы на Среднем Енисее: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2006. – 21 с.

Лазаретов И.П., Поляков А.В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи поздней бронзы: сборник научных трудов. – Барнаул: Изд-во «Концепт», 2008. – С. 33–55.

Леонтьев Н.В. Хакаские народные рисунки на плитах горы Оглахты // Вопросы истории Хакасии. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1977. – С. 124–135.

Леонтьев Н.В. Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1980. – С. 65–84.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2006. – 236 с.

Леонтьев С.Н. К вопросу о солярном культе и семантике бинарных оппозиций в изобразительном искусстве карасукских племен // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 240–241.

Миклашевич Е.А., Ожередов Ю.И. Фотографии сибирских писаниц в наследии А.В. Адрианова // Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. – Вып. IV: Тропой тысячелетий: К юбилею М.А. Дэвлет. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 156–187.

Минов В.А. Отчет о проведении охранно-спасательных работ на территории реконструкции здания Национального банка Республики Хакасия. – Абакан, 2005. – 143 с. // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 383 с.

Панкова С.В. «Фигуры-лопасти» на таштыкских изображениях лошадей // Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. – Вып. IV: Тропой тысячелетий: К юбилею М.А. Дэвлет. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 106–114.

Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. – Вып. 5. – Барнаул: Азбука, 2009. – С. 20–56.

Попов Н.И. О писаницах Минусинского края (продолжение) // Известия Сибирского отдела Императорского географического общества. – Иркутск, 1873. – Т. III. – № 5. – С. 275–285.

Пяткин Б.Н. К проблеме хронологического определения петроглифов предскифского времени

на Среднем Енисее // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. – Кемерово, 1979. – С. 126–129.

Пяткин Б.Н. Камень с рисунками в урочище Кизань (гора Оглахты) // Проблемы древних культур Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 116–127.

Пяткин Б.Н., Советова О.С., Миклашевич Е.А. Петроглифы Оглахты-V (публикация коллекции) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово: КемГУ, 1995. – С. 86–108.

Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). – СПб.-М.: «Журнал «Нева» – «Летний сад», 1998. – 560 с.

Савенков И.Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея: Краткий предварительный отчет о занятиях и научных исследованиях, совершенных на средства Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества членом-сотрудником И.Т. Савенковым в 1885 г. // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского географического общества. – Иркутск, 1887. – Т. XVII. – № 3–4. – С. 26–101.

Савенков И.Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки. – М., 1910. – 553 с.

Савинов Д.Г. «Меч-кладенец» на скалах Центральной Азии и Южной Сибири // Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. – Вып. IV: Тропой тысячелетий: К юбилею М.А. Дэвлет. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 40–53.

Савинов Д.Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). – СПб.: ЭлекСис, 2012. – 180 с.

Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 140 с.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово, 1999. – С. 47–74.

Спасский Г.И. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей // Записки Императорского русского географического общества. – 1857. – Кн. XII. – С. 113–181.

Турбат Ц. Оленные камни западной части Монгольского Алтая // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. – Томск: Томский гос. ун-т, 2008. – С. 223–233.

Турбат Ц., Баярсайхан Ж., Батсүх Д., Баярхүү Н. Жаргалантын амны буган хошоод. – Улаанбаатар: NOMKHUR, 2011. – 192 с.

Чечушков И.В. Колесничный комплекс эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии (от Днепра до Иртыша): Автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 2013. – 24 с.

Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. – М.: Наука, 1976. – 104 с.

Членова Н.Л. Тагарские лошади (О связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. – М.: Наука, 1981. – С. 80–94.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887 – 1889. – Helsingfors: Finnische altertumsgesellschaft, 1931. – 47 s., 72 taf.

Bokovenko N. The emergence of the Tagar culture // *Antiquity*. – 2006. – №80. – Pp. 860–879.

Francfort H.-P., Sacchi D., Sher Ja. A., Soleilhavoup F., Vidal P. Art rupestre du bassin de Minusinsk: nouvelles recherches franco-russes // *Arts asiatiques*. – Tome 48. – 1993. – Pp. 5–52.

Kovaleva O.V. Chariot Drawing of the late Bronze Age in Minusinsk Basin // *Himalayan and Central Asian studies*. – 2011. – Vol. 15. – №4. – Pp.11–15.

Sher Ja.A., Blednova N., Legshilo N., Smirnov D. *Siberie du Sud 1: Oglakhty I–III (Russie, Khakassie)*. – Paris: De Boccard, 1994. – 156 p. – (Repertoire des Petrolyphes d’Asie Centrale; Fasc. 1).

The Ancient Culture of Mongolia. – Busan: Busan Museum, 2009. – 166 pp. (на корейском и монгольском яз.)

PETROGLYPHS OF “SHAMAN-STONE” (the mountain Oglakhty, Khakassia)

Esin Yu.N.

The article brings new study results of petroglyphs on the plate from the Southern slope of the mountain Oglakhty in the Minusinsk basin on the territory of the Republic of Khakassia into scientific circulation. The study history of the monument is examined. The main types of drawings are distinguished and analyzed. Depicted on the plate two-wheel carts are referred to two types: 1) A-frame; 2) with a draft pole from a single pole. They are connected with different technological traditions and have different genesis. The first type continues the construction of carts specific for the Okunev culture of the second half of the III – the beginning of the II century B.C. The second type appeared in the region together with new migrations in the II century B.C. Drawing peculiarities of wheels and draft animals near a cart with a single draft pole expose its connection with mythological sphere of the culture. The main part of the plate’s petroglyphs can be dated by the end of the II – the beginning of the I century B.C. The upper date is determined according to drawings of daggers. Their prototypes are connected with the Bainovo type of the monuments of the IX – the beginning of the VIII century B.C.

Key words: archaeology of Central Asia, the Minusinsk basin, the late Bronze Age, the Karasuk culture, the Tagar culture, rock art, a cart, a dagger